

Спустя неделю, Ичиго, наконец-то, смог покинуть одинаковые четыре стены больничной палаты. Пока он в ней лежал, то ежедневно принимал у себя гостей. В первый день были сёстры с отцом, который и начинал замечать за своим сыном некоторые изменения. В последующие дни Ичиго принимал у себя одноклассников, среди которых, как ни странно, оказался Исида Урю, сын Рюукена, друга отца Ичиго, а по совместительству, также, как и Иссин, глава семьи Урю был хозяином поликлиники.

Спустя всего-лишь неделю — как же тогда удивлялись врачи! — Ичиго уже покинул больницу, а на следующий день — пошёл в школу. Такому магическому выздоровлению рады были все, особенно две светящиеся от счастья сестры рыжего анчоуса, так глупо попавшего под машину.

Водителя того грузовика, кстати, нашли. Да. Открыли дело, и теперь семья Куросаки была в ожидании вердикта городского судьи. Ичиго несколько раз отговаривал отца от того, чтобы тот набирал номер именно того самого городского судьи, который вёл дело. Но не только этими событиями была разбавлена жизнь весёлой и улыбающейся семьи, которая была благодарна за всё это своему старшему отпрыску.

После того случая, как Ичиго встретил в той палате глюк, который его научил улыбаться всегда, неважно, даже если ты был при смерти, он теперь тоже улыбался. И эта улыбка застыла на лице Ичиго, словно на клей посаженная.

Ну а сейчас же, возвращаясь из школы, Ичиго зашёл в дом, разулся и направился к себе в комнату. Карин на тренировке, Ичиго, пригрозив футбольному кружку, что не будет участвовать в отборочном туре, проследил, чтобы Карин взяли на место нападающего. Юзу же, видя, как все трудятся во благо семьи, также решила не отлынивать. И вот она уже несколько дней посещает кружок по домоводству. А сам глава семьи, то есть, Куросаки Иссин, по наставлению всей семьи и, косвенно, конечно же, насмешек Рюукена, поехал повышать квалификацию. Было это решено уже на следующий день, как очнулся Ичиго, так что Иссин должен был вернуться со дня на день.

Но открывая дверь своей комнаты, Куросаки младший уже, чуть ли не сразу, был готов её с грохотом закрыть.

На его кровати, сложив ноги под себя и листая какую-то книгу, сидел тот самый черноволосый парень, встретившийся ему в палате и бесследно оттуда же исчезнувший. Иссин тогда сказал ему прямо, что после всего того, что пришлось пережить ему тогда, возможны некоторые нарушения, связанные с мозгом. Такие, как помутнение сознания, слабость, головные боли, неконтролируемые приступы агрессии, а также — обмороки. Но сам Ичиго, прекрасно знающий медицину, так как его учителем в этом деле был его отец, требующий довольно-таки многого, то он понимал, что самый подходящий для него диагноз — это шизофрения.

— Чего стоишь? Проходи, не в гости же пришёл, — не отрываясь от чтения книги в толстом

переплётё, юноша кивнул в сторону стула, стоящего за письменным столом.

Отпустив школьную сумку, которая упала в шаге от двери, Куросаки младший прошёл к предложенному месту, рассматривая парня.

Бинтов на нём больше не было, ссадины и синяки, как, кажется, и остальные увечья, зажили. Сейчас перед Ичиги сидел совершенно здоровый молодой человек, с приемлемым, а не бледным, как тогда, цветом лица. Коротко стриженный, но всё же волосы у него были чуть длиннее, чем у самого Ичиги, как тот заметил. Худощавый, сразу было видно, что пережил он много бед. В однотонной, чёрной футболке со средним рукавом, в свободных чёрных штанах и чёрных носках.

Отложив книгу на край кровати, он посмотрел в лицо Ичиги, а тот, не отводя взгляд, замер под наблюдением бледно-красных зрачков.

— Чего молчим? — наклонив голову вбок, так, чтобы зацепить взглядом окно, поинтересовался парень.

— Кто ты? — нахмурившись, Ичиги пытался соотнести два образа, тот, который он помнит с больницы, и этот, который сейчас сидит перед ним.

— Я не помню, — молодой парень, который выглядел года на два младше, чем сам Куросаки младший, виновато улыбнулся, а Ичиги перестал сомневаться — это именно тот самый больной, которого сочли его расстройством рассудка.

— Совсем ничего? — Ичиги был настроен решительно, он хотел знать точно.

Взяв лежащую с краю кровати книгу, он тут же, прочитав название, выпустил её из рук. На книге было написано «Необыкновенное путешествие в безумие и обратно».

— Ну почему же, — наклонившись, из-за чего пружины кровати скрипнули, а Ичиги дёрнулся, черноволосый поднял книгу и, зачем-то обтрусив её от пыли, ведь в комнате было прибрано, положил её на тумбочку справа, и начал рассказывать: — Я помню, как некто с рыжими волосами, попал под грузовик. Как его череп с хрустом сломался, как кровь, вылившись из головы под возгласы и яркие вспышки от телефонов, собралась в лужу, прямо огибая сломанную и выгнутую необычным образом руку. Как с треском сломались рёбра, когда один из добряков решил, что он, чтобы ему пусто было, врач, и начал делать тебе массаж сердца, но

не рассчитал сил и сломал их, а они и так пострадали от обляпанного кровью капота.

— Достаточно! — чувствуя, как в груди начинал собираться воздух, Ичиго почти свалился со стула, но был подхвачен вскочившим парнем.

— Хорошо, хорошо, — уложив Куросаки младшего на кровать, юноша сел на место рыжего. — Но дальше-то только позитив! — парень опять улыбнулся, блики солнца, прорвавшегося сквозь шторы, будто начали танцевать у него на лице. — Операция твоя прошла успешно. Ты встретился с сёстрами, с которыми уже успел попрощаться, и отцом. Ты увидел друзей, наконец-то!

— Но врачи были уверены в том, что я погибну, — прерывисто дыша, Ичиго приподнялся на локтях, чтобы лучше видеть парня.

— Проблема в том, — черноволосый вцепился в свои колени пальцами, а после, улыбаясь именно так, как и тогда, когда он лежал на больничной койке, сказал: — Что эти врачи идиоты! — он, весело улыбаясь, потянулся.

Сказать точно, что именно его развеселило тогда, Ичиго не мог. Но его смех, который за эту неделю был самым, что ни есть, настоящим, зазвенел по комнате. Даже птицы, находящиеся за закрытым окном, взлетели с веток дерева, посаженного у него перед окном.

Он не мог сказать точно, кто сейчас сидит у него в комнате, но он точно был уверен — он реален, а сам он, Ичиго, — не псих, сошедший с ума от полученных травм.

Услышав на втором этаже радостный смех своего брата, Карин, переглянувшись с сестрой, пришедшей на пару минут позже своей старшей сестры, достала из ящика, куда это всё положил их непутёвый отец, тоненький шприц с успокоительным.

Быстро поднявшись по лестнице на второй этаж, к комнате Ичиго, Карин, приоткрыв дверь, наблюдала, как её брат, сначала разговаривая с самим собой, а после от чего-то смеясь, прикрыл глаза, положив на них руку.

— К тебе пришли, — более серьёзно сказал парень.

— Что, — встав с кровати, Ичиго заметил испуганную Карин, держащую в руке шприц, что

также напугало самого Куросаки младшего. — Карин, зачем тебе это?

Опуская ноги на пол, Ичиго вдруг нахмурился:

— Стоп, Карин, — Ичиго замахал руками, а после резко указал на стул возле своей кровати. — он... реален.

Резкий укол в плечо и шприц опустел.

— Прости, прости, — шептала Карин. Уложив отключившегося брата на кровать, она вытерла с лица слёзы. — Чтоб ты сдох, — ядовито прошипела брюнетка на пустой стул, а после, сильно захлопнув дверь, вышла из комнаты.

— Я уже мёртв, — забито прошептал голос молодого парня.

Упёршись локтями в колени, он сжал правую руку Ичиго обеими руками, а после приложил их к своему лбу.

— Сколько же страданий я тебе принесу? — отрешённо шептал он. — Сколько боли и отчаяния тебе придётся перебороть на твоём пути? Ну ничего, Ичиго, — глаза парня блеснули из-за лучей заходящего солнца. — Главное, чтобы ты не переставал улыбаться, Ичиго.

<http://tl.rulate.ru/book/21408/443630>